

УДК 18

**Наталья Андреевна
ГОРБАЧ,**

начальник кафедры философии
Сибирского юридического институ-
та МВД России (г. Красноярск),
доктор медицинских наук,
профессор

**Ольга Федоровна
НЕСКРЯБИНА,**

профессор кафедры журналистики
Сибирского федерального универ-
ситета (г. Красноярск), доктор
философских наук, профессор

**Людмила Юрьевна
ТИМОФЕЕВА,**

студентка Сибирского федераль-
ного университета (г. Красноярск)

ЦЕННОСТИ ИСКУССТВА: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ МОЛОДЕЖЬЮ*

THE VALUE OF ART: PROBLEMS OF ITS UNDERSTANDING BY YOUTH

В статье проанализированы подходы к теории искусства, соотношение понятий «красота» и «искусство» в эстетических и философских теориях, цель и ценность искусства, проблемы понимания искусства молодежью, проблемы кинематографа и фотографии как видов искусства, особо значимых для молодежи.

The approaches to art theory, the relations between the notions «art» and «beauty» in the esthetic and philosophical theories, the goal and the value of art are analyzed in the following article. Moreover, the problems of art understanding by youth along with the problems of film and photography as art forms so important for young people are considered.

Keywords: art, beauty, goals of art, value of art, youth, film, photography.

Ключевые слова: искусство, красота, цель искусства, ценность искусства, молодежь, кино, фотография.

Двадцать первый век – это век инновационных технологий, многообещающих открытий и виртуальной реальности. Каково место искусства в этом рациональном, цифровом, технологизированном веке? Какую роль оно играет в жизни молодежи, если типичный отдых многих молодых людей – проверка электронной почты и общение в социальных сетях? (Численность пользователей сети vkontakte.ru составляет уже более 31 миллиона, а на сайте «Одноклассники.ru»

зарегистрированы 45 миллионов участников).

Чтобы глубже вникнуть в проблему ценности искусства, следует понять, в чем состоят его сущность и предназначение.

«Понятия – суть идеи, нарождающиеся уже после того, как процесс создания мира закончился. Так и в искусстве: его философия выявляется после тысячелетних упражнений в искусстве и восприятии природы»¹. Но ни практика, ни существующая со времен античности философия

* Авторы выражают признательность доктору философских наук, профессору Александру Ивановичу Панюкову за помощь в подготовке статьи.

искусства (эстетика) не дают определенного ответа на вопрос о его сущности. И в современной науке встречаются формулировки, которые вместо решения вопроса лишь производят замену термина. Так, искусство предлагается понимать как высшую, специализированную, целенаправленно-концентрированную форму того, «что выступает в целом как эстетическое отношение или эстетическая ипостась бытия»². Понятие «искусство» здесь определяется через понятие «эстетическое отношение», которое само требует прояснения.

Какова функция искусства? Можно ли ответить на этот вопрос, анализируя эмоции, получаемые в процессе восприятия произведений искусства? Существует ли искусство ради него самого, или оно имеет некую внешнюю цель? Таковы основные вопросы, ответы на которые должны привести к решению проблемы сущности искусства. Разумеется, провести полный анализ данных проблем в рамках одной статьи нет никакой возможности. Авторы претендую лишь на то, что высказанные соображения по основным вопросам философии искусства помогут разобраться в проблеме отношения к искусству молодежной аудитории.

В современной эстетике существуют два подхода к определению искусства. Первый – феноменологический, второй – нормативный. Цель первого – выявить признаки, необходимые и достаточные для отнесения какого-то артефакта к классу объектов искусства. Цель нормативного подхода – выбрать среди вещей, считающихся искусством, действительно заслуживающие этого названия. Нормативные теории концентрируются не на поиске и формулировке понятия искусства, а на выявлении его ценности.³ Эти два подхода соединяются в определении основания для суждения о наличии у некоторого объекта эстетического качества. В самом деле, нет принципиальной разницы между высказыванием «этот предмет является произведением искусства, но обладает низкой художественной ценностью» и суждением «этот артефакт, хоть и заду-

ман, чтобы служить предметом искусства, но таковым не является».

Когда и почему появилась художественная деятельность – это тот же самый вопрос, что и «По какому признаку некий артефакт следует относить к произведениям искусства?». Ответы на эти вопросы лежат в сфере человеческой ответственности. Чтобы ответить на них, надо знать, какое эмоциональное значение имел данный предмет для его создателя. Мы можем только предполагать, что если появилось творчество, то, возможно, появилась и эстетическая эмоция. Хотя происхождение этого сложного комплекса психических способностей, вероятно, имеет гетерохронную природу.

Если считать, что искусство – это воспроизведенная красота природы, то очень многое в современном искусстве останется за гранью эстетического. Новая эстетика не только искажает природные формы, но и переворачивает художественную перспективу, наделяя монументальным значением мельчайшие жизненные детали и избегая обобщений.

Принципом искусства авангарда является не воспроизведение природы, а ее деформация. Концепция отображения природы ставит под сомнение принадлежность миру искусства не только модернизма, но и творчества Феофана Грека, Андрея Рублева, не говоря уж о традиционных искусствах Китая, Японии и т.д.

Теория мимесиса (теория подражания) верна, но в ней отражен не весь смысл эстетического вдохновения. Хорошая имитация – например, картина, написанная в натуралистической манере, – частный случай эстетического вдохновения. Смысл его не повторить реальность, а удивить искусством ее воссоздания. Удивить можно как умением изображать, копировать, так и умением деформировать. И в том, и в другом случае эстетическое переживание – это восхищение творчеством и сопереживание ему. Однако принцип деформации имеет перед копированием то преимущество, что дает большую свободу самовыражения.

Возможно, нам никогда не удастся восстановить логику процесса зарождения искусства. Но если «смотреть со стороны» вызревания эмоции вдохновения, то виднее и понятнее близость (по духу, по смыслу) искусства и магии. Искусство, может быть, не родилось из магии, как часто представляется. Оно сохранило с ней духовную близость. Им обоим присущи преобразовательный, священнодейственный характер и вера в свое могущество. Искусство превращает, как магия, и верит в свое воздействие, как магия. «Магия искусства» – в этих словах воплотилось самочувствие искусства, восприятие себя как магии. Вероятно, искусство и магия связаны общим «предком» – игрой.

Генетическое родство искусства и игры выявляет специфику эстетического вдохновения. Игра есть отзеркаливание с искажением, приобретшее самостоятельное бытие, то есть имеющее собственный мотив (причину) и правила (законы). «Отзеркаливание» означает удвоение, образование копии. Например, детская игра представляет собой аналог взрослой деятельности, спортивная игра – имитацию войны либо учения. «С искажением» – это значит, что сущность игры состоит не в том, чтобы служить моделью исходной формы поведения. Сосуществуя со своим прообразом, игра становится самостоятельной деятельностью, имеет собственную мотивацию и доставляет удовольствие сама по себе. Чаще всего игра глубоко иронична, поскольку является искажением реальности.

«Игра» часто используется для создания метафоры. Богатство спектра метафорических значений игры указывает на ее генезис и сущность: игра есть перенесенный смысл, испорченная копия. Метафора игры зачастую имеет глубокое содержание, в котором «утоплено» ее (игры) основное значение. Жизнь может восприниматься как игра, если есть вера, что это еще не настоящая жизнь, что будет другая. К эстетическому вдохновению имеют отношение все основные качества игры. Искусство принадлежит к роду

«игра», оно есть отзеркаливание с искажением, призванное вызывать эстетическое чувство – возвышенное чувство творческого вдохновения.

Обычно игра подразумевает соперничество, стремление переиграть другого либо себя самого. Рождение нового стиля, направления, художественного метода отчасти объясняется духом состязания с людьми, с собой, с природой. Как известно, в искусстве нет прогресса: новое не значит лучшее. Но есть ощущение его возрастающего могущества. Каждое поколение художников бросает вызов предшественникам.

Одно из свойств эстетического переживания – иллюзия его внешности. Объективация характерна для многих эмоций. Мы говорим «страшная пропасть», «ненавистное место». И также мы говорим «красивый пейзаж». Наслаждение природой как таковой – удовольствие от созерцания ярких красок – такую реакцию можно назвать квазиэстетической. Она наполняется эстетическим содержанием, поскольку на нее ложится отсвет всех сложных чувств – гордости за творца и присоединение к нему. Без этого сакрального содержания способность к эстетическому переживанию, по нашему мнению, не смогла бы развиваться.

Существует грань, которая обозначилась в эпоху романтизма и ярко проявилась в эстетической ситуации эпохи современности и постсовременности. Эта грань проходит между эмоцией «как красиво!» и чувством возвышенного – эмоцией творческого вдохновения. Первая является только основой эстетического восприятия, вторая указывает на природу эстетического отношения, на его специфику.

В сложном комплексе чувств и представлений, называемом «возвышенное», преобладающей эмоцией является вдохновение. Данное состояние характеризуется как энтузиазм, творческий подъем. В нем присутствует ощущение собственного могущества и желание соперничества с людьми, с природой, с самим собой.

Раньше эстетика считала своей центральной категорией «прекрасное». Сущность эстетического переживания отождествлялась с переживанием красоты природы, произведений искусств и пр. По нашему мнению, понятие о возвышенном более точно выражает суть эстетического переживания. Чувство красоты еще не есть собственно эстетическое чувство, оно еще простовато гедонистично, как физиологическое ощущение приятного. Эстетическим переживанием становится, когда ощущение красоты соединяется с возвышающим душу осознанием своей причастности к творчеству. Эстетическое переживание – это способность испытывать сильные эмоции – удивление, радость, гордость – по поводу осознания своих творческих способностей и своей близости к творцу. И в обычном, и в сакральном смысле слова «творец».

Многие мыслители в разные времена считали, что целью искусства является проповедь добра. С этим не поспоришь, коль скоро определенное искусство ставит перед собой такую цель. Но это не значит, что такая связь с нравственностью проясняет проблему сущности эстетического отношения.

Можно ли доказать не просто взаимосвязь (как бывают взаимосвязанными между собой две самостоятельные сущности), а тождество красоты и добра, или это вопрос веры – внутреннего недоказуемого убеждения? По-видимому, верно последнее предположение, поскольку человеческая мысль до сих пор не нашла аргументов, которые можно было бы как-то надежно верифицировать. Вряд ли стоит считать доказательными умозрительные доводы подобные следующим: «Красота истинная есть совершенство не только внешнее, но и внутреннее. Красота подлинная не может не воспитывать доброты, нравственности, она сливается с ними».

Если доказано, что обучение счету идет лучше, когда используется красивая компьютерная графика, то это не стоит толковать как тождество искусства и математики. Так и с нравственностью. Искусст-

во всегда использовалось для воспитания добра и веры, но оно при этом не сливалось с ними, а нередко и враждовало. Связь добра и красоты не является необходимой, то есть имманентно присущей этим духовным ценностям. Искусство служит добру, только если остается самим собой. Можно именно так понимать мысль Гегеля: «Искусство имеет конечную цель в самом себе», и, только осуществляясь в своей самости, оно может служить и добру, и истине.

Иногда высказывают опасение, что если признать искусство деятельностью, призванной доставлять удовольствие, то тем самым искусство будет низведено до простого развлечения и в этом случае оно уже не сможет претендовать на высокую миссию нравственного просвещения. Данное опасение, видимо, проистекает из недооценки роли развлечений в жизни общества.

Во все времена люди так или иначе осознавали необходимость удовлетворения потребностей в положительных эмоциях, релаксации, разнообразии социальной среды. Состояние скуки является сильным провокатором девиантного поведения, а монотония, как выяснилось уже сравнительно недавно, способна вызывать агрессию. У Гадамера есть замечательное суждение на эту тему: «...Один из аспектов общения с искусством заключается в том, что произведение искусства учит нас погружению в своего рода покой. Это покой, не подверженный скуке. Чем более мы общаемся с произведением искусства, тем многообразнее и богаче оказывается оно. Сущность восприятия времени в искусстве заключается в том, что мы учимся пребывать в покое. Возможно, это доступное нам конечное соответствие тому, что именуется вечностью»⁴.

Согласие с таким пониманием художественной коммуникации не исключает возможности иного толкования. Очень вероятно, что смысл обращения к искусству меняется с возрастом. Нас интересует вопрос: как относится к искусству современная молодежь, поскольку эстети-

ческие потребности и способности формируются в процессе социализации.

С целью изучения отношения к искусству современной молодежи были проведены исследования в двух вузах г. Красноярска. Методом случайной выборки были опрошены обучающиеся СФУ и СибЮИ МВД России. По мнению респондентов, значительная часть молодежи считает искусство источником развлечения (соответственно $40,0 \pm 4,8\%$ и $44,4 \pm 4,9\%$; $p > 0,05$). По степени значимости этот индикатор занимает первое ранговое положение как у студентов СФУ, так и у курсантов СибЮИ МВД России (рис. 1).

При детальном анализе мнения молодежи относительно того, каким должно быть в их понимании искусство, выяснилось, что молодые люди расценивают его в первую очередь как источник познания мира и источник познания себя, по мнению студентов СФУ, оно должно быть еще и искренним. Индикатор «искусство – источник развлечения» переместился на предпоследнее место (рис. 2).

Следует отметить, что в первом случае респонденты высказывали мнение относительно других (большинства молодежи), а во втором – относительно себя.

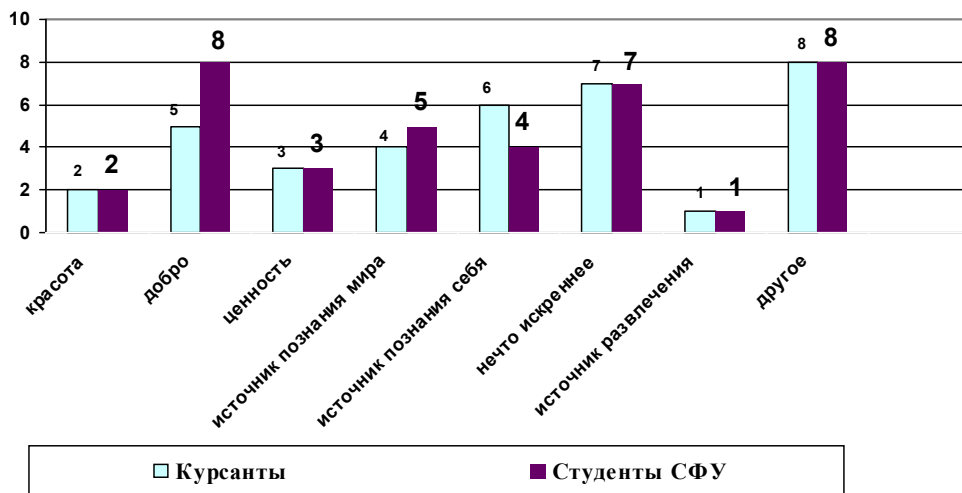

Рис. 1. Мнение курсантов СибЮИ МВД России и студентов СФУ относительно того, как понимает искусство большинство молодежи (ранговые места по степени значимости, 1 – наиболее значимое)

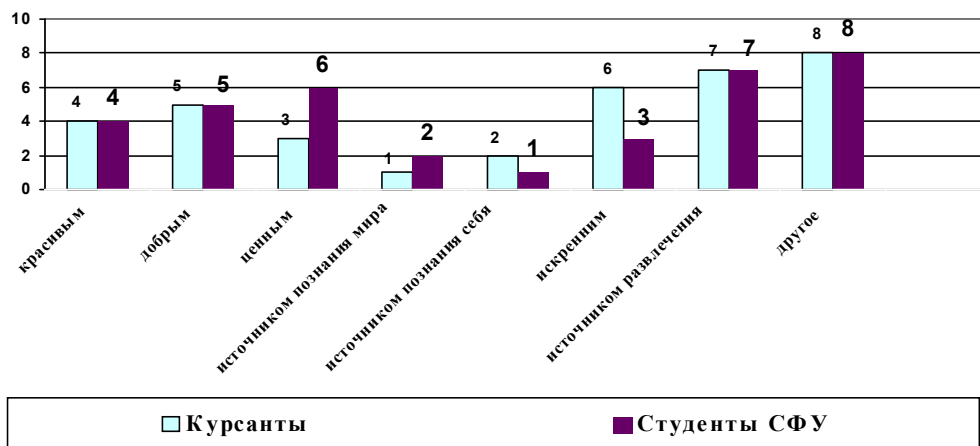

Рис. 2. Мнение молодежи относительно того, каким должно быть искусство (средние значения ранговых мест по степени значимости, 1 – наиболее значимое)

На основании данных проведенного опроса можно предположить, что молодые люди считают функцию развлечения несколько приземленной, поэтому проецируют такое предпочтение «на других», а «для себя» считают более правильным ценить в искусстве духовное начало. Данный результат можно считать ожидаемым, но не очень желательным, так как он свидетельствует о разрыве идеального и реального отношения молодежи к искусству.

Произведения искусства далеко не всегда выглядят красиво. Они бывают страшными, тревожащими, а в некоторых моментах или фрагментах – отвратительными. Существенно, однако, несет ли в себе объект эстетическое качество. Дело в том, что «красота» содержится не в самой «фактуре» полотна или фильма, а в его создании, создателе и ответе – душевном отклике зрителя.

Примером могут служить фотографии современного автора Кэрри Мэ Виимс (Carrie Mae Weems) из ее проекта «В тот момент я увидела, что случилось, и заплакала» («Here I Saw What Happened and I Cried»), 1995–1996 (рис. 3).

Фотографический проект состоит из изображений и слов, рассказывающих о проблемах чернокожих людей. Работы художницы не назовешь красивыми, они вызывают у зрителей скорее беспокойство, чем умиление (от слов «мило», «приятно»). Сопереживание персонажам, которое выражается в тревоге, способно оказывать возвышающее душу воздействие.

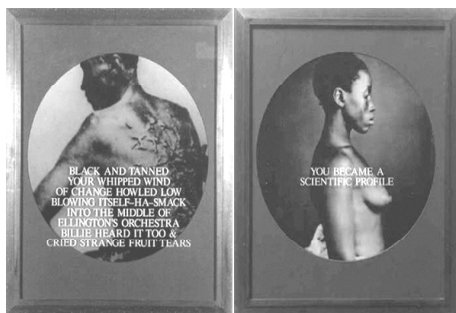

Рис. 3. Carrie Mae Weems, из «Here I Saw What Happened and I Cried», 1995–1996

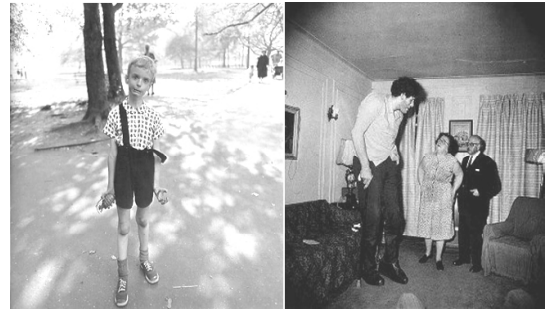

Рис. 4. Диана Арбус (Diane Arbus), Ребенок с игрушечной гранатой в Центральном Парке Нью Йорка, 1962 (Child with Toy Hand Grenade in Central Park, N.Y.C. 1962) и Еврей-гигант дома с семьей в Бронксе, Нью Йорк, 1970 (A Jewish Giant at Home with His Parents in The Bronx, N.Y. 1970)

Другая фотохудожница – Диана Арбус (Diane Arbus) – являет выдающийся пример индивидуализации. Ее портреты людей с различными отклонениями утверждают идею ценности каждой личности, независимо от ее социального и медицинского статуса. Диана Арбус стремится показать, что в обществе не может быть среднего, что разнообразие людей уникально и самоценно (рис. 4).

Александра Родченко критиковали за представление в ложном свете счастливого лица пионера, за превращение мальчика в «чудовишное и безобразное существо». Но то, как художник изобразил мальчика, выражало его (авторское) эстетическое чувство. Своевольный авторский подход часто называют субъективизмом. Термин не очень удачный, поскольку предполагает существование противоположности

Рис. 5. Александр Родченко, портреты пионеров

– объективизма. (Последний уводит нас от искусства в сторону объективности, истины, отражения реальности – в область, запредельную искусству).

«Субъективизм» – имманентное свойство художественного творчества. Казалось бы, оно должно импонировать молодым, ведь юности свойственно иметь «свое» мнение. Однако свойства человеческой природы таковы, что каждый индивид готов признать право другого на индивидуальность в том случае, если она не сильно отличается от его собственной. Принцип созвучности, понятности часто мешает молодым ценить непривычное для них искусство.

Художник осознает свою свободу, он следует собственным убеждениям, когда речь идет о выборе темы произведения и способа ее отражения. В некотором смысле все искусство концептуально. Сегодня эстетические объекты могут быть частью самой реальностью, но являться при этом произведениями искусства в стиле ready-mades. По замыслу авторов, эти арт-объекты несут в себе некий новый смысл: предлагают зрителю по-другому посмотреть на привычные вещи.

Художник находится в бесконечном путешествии по направлению к самому себе, а произведение, им создаваемое, является выражением этого пути. Разумеется, данное толкование – метафора, а не буквальное отражение творческого процесса. Модельное отображение эстетического отношения вряд ли вообще возможно, поскольку чувства не поддаются полному словесному описанию.

Невозможность точного отображения относится и к описанию функций искусства и его ценности. Что ищут молодые люди в искусстве? В ответе всегда останется недосказанность, которая создает интригу и мотивацию вечного постижения.

Содержание искусства кроется в эмоциях творца, передаваемых зрителю, и в эмоциях зрителя, сопереживающих творчеству. Игра, красота, волнение – все это средства, которыми пользуется искусство и которые составляют его сущность. Они призваны дать человеку знание о себе, о

своем месте в жизни. Когда говорят, что искусство есть постижение истины, – это верно. Только эстетическое – это совершенно особенное познание, суть которого не в информации о мире, а в переживании единства с миром и с миротворчеством.

Восприятие художественного произведения – сложная психическая деятельность. Она включает не только эстетическое наслаждение, но и работу интеллекта, память, волю. Само собой художественное видение у человека не появится, разве что в качестве исключения. Данное утверждение не противоречит тому, что эстетические эмоции имеют, видимо, генетическую основу. Так же, как наследуемые интеллектуальные задатки, эстетические требуют для своего проявления соответствующих средовых факторов.

Любовь к искусству следует прививать, используя те же педагогические методы воздействия, что и в отношении развития интеллекта и воли. Эстетическую восприимчивость необходимо формировать, опираясь на разум, любознательность, интерес к людям.

Сам процесс узнавания, опознания чего-то вызывает положительную эмоцию, что хорошо известно психологам. Поэтому средством эстетического воспитания является сопоставление элементов художественного языка с языком чувств и экспрессивей движений человека. Важно пробудить воображение и в игре узнавания развить эмоционально положительные связи.

Одним из мотивов постижения художественной культуры является стремление приобщиться к определенному культурному кругу. Потребление искусства должно быть престижным занятием в глазах молодежи.

Развитый вкус предпочитает чистоту оценок. Он подразумевает, что на эстетические суждения не должны влиять посторонние факторы, в том числе отношение к личности творца. Но на этапе формирования вкуса образ творца – важная составляющая процесса приобщения к искусству. Большое значение имеет

имидж создателя, его легенда. Личное знакомство с деятелями искусства эмоционально настраивает на принятие их творчества. Это хорошо понимал и умел использовать мастер пиара Сальватор Дали.

Не только картина, мелодия, поэма выступают средством общения автора и публики, но и автор является посредником между творением и его зрителем, читателем или слушателем. От индивидуальности автора через понимание мотивов творчества – к любви к искусству; от

желания приобщиться к сообществу ценителей – к самостоятельным суждениям и оценкам. Познание и эстетическое вдохновение поддерживают друг друга.

1 Капустина Л.Б. Взаимодействие философии и искусства как предмет теоретического осмысления в западной культуре : дис. ... докт. филос. наук : 09.00.13. СПб., 2005.

2 Там же.

3 Грэм Г. Философия искусства. М., 2004.

4 Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С.314–315.